

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

MARIA TERESA ORSI,
FABIO SEBASTIANO TANA

SOTTO
L'OMBRELLO
A TOKYO

Frammenti di vita giapponese

PICCOLA BIBLIOTECA EINAUDI
I MAVERICK

TORINO
2023

МАРИЯ ТЕРЕЗА ОРСИ,
ФАБИО СЕБАСТЬЯНО ТАНА

ПОД ЗОНТОМ В ТОКИО

Фрагменты японской жизни

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА
2026

УДК 930.85(520)
ББК 63.3(5Япо)6-7
О-70

Редакторы серии Л. Оборин, С. Елагин

Орси, М. Т.; Тана, Ф. С.

О-70 Под зонтом в Токио: Фрагменты японской жизни / Мария Тереза Орси, Фабио Себастьяно Тана; пер. с ит. А. Строкиной. — М.: Новое литературное обозрение, 2026. — 464 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-2755-0

Как настоящая Япония соотносится с ее образами в культуре? Как европейцы воспринимают современный японский уклад жизни? Что остается сегодня от японской старины и какие взаимные влияния существуют между западной и восточной культурами? Авторы исследуют сегодняшнюю Японию не только сквозь призму литературы, театра, поэзии, истории, но и — в меньшей степени — повседневных практик: игра в го, любование природой, отношение к кошкам, увлечение велосипедами, устройство железнодорожных поездов... И, конечно, зонтик, который для японцев — нечто гораздо большее, чем просто бытовой предмет. Мария Тереза Орси — специалистка по японскому языку и литературе, профессор Университета востока (Неаполь) и Римского университета Сапиенца, руководила переводом и изданием многих классических и современных японских текстов, в том числе «Гэндзи-моногатари», кавалер японского Ордена Священного сокровища. Фабио Себастьяно Тана — журналист, эксперт по международным отношениям, исследователь Института международных политических исследований, сотрудник новостного агентства ANSA.

УДК 930.85(520)
ББК 63.3(5Япо)6-7

На обложке: Freepik

© 2023 Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino

© А. Строкина, перевод с итальянского, 2026

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2026

© ООО «Новое литературное обозрение», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Приливная волна	8
Зонтики — капли долгого дождя	19
Прозрачен облик красоты	19
Романтический символ	25
Зонтики — бумажный нарцисс	34
Атрибут аристократии	34
Соломенные шляпы	37
Лоскут алого шелка	39
Годы Синдзюку	44
Отдельный мир	44
Молодежный район	47
Всевозможные встречи	58
Горудэнгай, Горудэнгай, ах, Горудэнгай	67
Баттерфляй — завиток пароходного дыма над Нагасаки	73
Ключевые символы	73
Разбираясь с ориентализмом	79
Медленное признание	89
Последний концерт	94
Еще одна Баттерфляй — чужестранка Окити	101
Черные корабли	101
Красавица, играющая на сямисэне	109
Патриотизм и романтизм	120
Поезд и зимородок	126
Расписание, моя любовь	126
Место встречи	138
Гудок в ночи	147
Букинистические магазины: аромат подержанных книг	156
Охота за сокровищами	156
И суета, и творчество в Дзимботё	166

Книжные магазины: Данте в «Аюми Букс»	175
От Мазингера до Беатриче	175
Рай для предпринимателей	184
Удар молнии	186
Сидя у стойки с окономияки	193
Кому как нравится	193
Хиросимская версия	202
Одинокий гурман	208
Теледрамы: по утрам в эфир выходят сны	212
Фоновый шум	212
Сложные героини между традицией и современностью	221
Туризм, основанный на медиаконтенте	227
Кокэси и виски	235
Теледрамы: история в восемь часов вечера	243
Эпические битвы и негибаемые воины	243
Под цветущей сакурой Яэ	251
Величие поражения	257
Нарушая правила на велосипеде	272
Жизнь на тротуарах	272
Особый шарм хакамы	281
Нация велосипедистов	290
Снег на вершине Фудзи	295
Среди лучей света	295
Охотничьи загоны	308
От древних мифов до буддизма	315
Горы — царства сакрального хаоса	322
Владычица и мико	322
Божество земли	331
Водопады Кумано	338
Игра великих мастеров	350
Пропавшие белые ракушки	350
Последний мэйдзин	357
Чернила на полотне	366

Метаморфозы. Магия лисы	376
Необычный автобус	376
Пограничье	384
Легенда о Кузунохе	391
Метаморфозы. Магия кота	401
На помеле	401
Тень за масляной лампой	405
Дом, которого нет	414
Я — кот. Имени у меня пока что нет	420
Красивые, словно игрушечные	422
Японские термины и слова	428
Японские произведения, упомянутые в тексте и изданные в Италии	459

ВВЕДЕНИЕ. ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА

Есть немало способов сблизиться с Японией. Наш способ определился с самого начала и был скорее рефлекторной реакцией, а не осознанным выбором: мы предпочли сближение с перспективы литературы. Мы можем рассматривать любые фрагменты японской жизни — изучая повседневные предметы быта от зонтиков до подержанных книг, улицы и районы, зачастую, не те, что предлагают туристические агентства, рассматривая поезда и велосипеды; размышляя о том, как на японскую культуру повлияли «Божественная комедия» Данте или «Мадам Баттерфляй» Пуччини, мы в любом случае неизбежно останавливались на чем-то литературном, будь то роман, стихотворение, пьеса театра *кабуки* с неизменным *оннагатой* в роскошном облачении.

Приятно думать, что это «наш» способ смотреть на Японию. Кажется, будто так неизбежные различия между нами стираются, а воспоминания и ощущения, напротив, сплетаются друг с другом, образуя единое полотно. Ведь, разумеется, в таком познании мира важную роль играет опыт и эмоции — явления чрезвычайно личные по определению. Даже не упоминая Кавабату и его авангардную школу, для которой восприятие было ключом к интерпретации реальности, можно сказать, что переживания остаются в памяти, пронизывая ее и помогая ей не угаснуть. Именно о наших переживаниях — сложных и легких, как крылья бабочек, сиюминутных и протяженных — вся мировая литература,

и сравнить ее можно с приливной волной, подобной той, что мягко, но неудержимо устремляется из океана в устье Сумиды, великой токийской реки, ставшей темой многих произведений, и, продвигаясь вперед, омывает контуры искусственных островков портовой зоны, захватывает каждый канал и пробуждает лодки, дремлющие в иле. Мы видели такие лодки в Цукудадзиме, у старого моста Цукудакобаси, очертания которого в городском ландшафте навевают меланхолию и завораживают. Не факт, что лодки эти по-прежнему там, поскольку в Японии, и особенно в Токио, известное утверждение, что «ничто не создается и ничто не исчезает», действует с точностью до наоборот: все создается и все исчезает. Но остаются ощущения: еле уловимый запах сырости и рыбы, красная балюстрада моста, выделяющаяся на фоне серого камня, тишина ночи и редкие фонари после шумной улицы Нисинакадори, где в ресторанах готовят *мондзя-яки* — традиционное токийское блюдо.

Если остались еще сомнения, самом ли деле литература настолько пронизывает наше восприятие реальности, можно обратиться к поистине шекспировскому вопросу, который касается любой эстетической, а равно и экзистенциальной ценности. Вопросу, на который должен ответить каждый японец и всякий, кто знаком с культурой этой страны: что прекраснее — цветение сакуры весной или пламенеющая листва осенью?

Обратимся к одному тексту и попробуем ответить — каждый для себя. Это *тёка* (длинное стихотворение) принцессы Нукады из «Ман'ёсю» (*Man'yōshū*), или «Собрания мириад листьев», — одной из древнейших поэтических антологий периода Нара:

Все засыпает зимою.
А когда весна наступает,
Птицы, что раньше молчали,

Начинают петь свои песни.
 Цветы, что невидимы были,
 Цвести начинают повсюду,
 Но их сорвать невозможно:
 Так в горах разросся кустарник.
 А сорвешь — нельзя любоваться:
 Такие высокие травы.
 А вот осенью — все иное:
 Взглянешь на купы деревьев,
 Алые клены увидишь,
 Листья сорвешь, любуясь.
 А весной зеленые листья,
 Пожалев, оставишь на ветке.
 Вот она — осени прелесть!
 Мне милей осенние горы!*

Многообразие описаний осенней листвы — *момидзи* — в классической поэзии убеждает нас в том, что она прекраснее цветущей сакуры. Более того, поэзия подсказывает, что не следует любоваться исключительно алыми листьями. Желтые листья не менее ценны, по крайней мере исходя из эстетических канонов определенных эпох. Эти каноны формировались в зависимости от того, какие деревья преобладали в столичном регионе — именно там аристократы и придворные поэты оттачивали свои представления о прекрасном. Очарование *момидзи* таится в оттенках цвета, в их переменчивом разнообразии красота достигает своей вершины.

Иней, роса, ветер и дождь придают новую силу неуловимой игре света и тени в осенней листве. Образ многих стихотворений классического периода — парча, сотканная божествами, которые скрываются под видом людей или сил природы.

* Пер. А. Е. Глускиной.

По течению плывут
в водах Тацуты алые листья,
прилетевшие с гор.
Отойдет от берега лодка —
и порвется полог парчовый...*

На реке Тацуте
Каннадзуки, месяц десятый,
ткет парчовый наряд —
дождевые струи, как нити,
пронизали алые листья...**

Эти стихи из «Кокинсю», или же «Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии», другой поэтической антологии, созданной на два столетия позже «Манъёсю». Столь частые упоминания реки Тацута связаны с почитанием одноименного божества, отвечающего за осеннее преобразование листвы. Образы *момидзи* раскрывают бесчисленное множество смыслов: радость и грусть, напоминание о бренности бытия и признание в любви.

Для нас же *момидзи* — идеальное обрамление танца, во многом благодаря давнему знакомству с Мурасаки Сикибу, создательницей великого классического романа, «Повесть о Гэндзи». А столь искусно танцевать среди красных кленов на ежегодном празднике во дворце Судзакуин, что глаза императора наполняются слезами умиления, может только Гэндзи Блистательный:

Под сенью высоких деревьев, убранных багряными листьями, собралось сорок музыкантов, невыразимо сладостно пели флейты, им вторил ветер в соснах, он гулял над землей, будто настоящий

* Пер. А. А. Долина.

** Пер. А. А. Долина.

вихрь, прилетевший с далеких гор, срывая и увлекая за собой листья, и в их багряном кружении светоносный облик исполнителя «Волн на озере Цинхай» был так прекрасен, что страх за него невольно сжимал сердца присутствующих*.

В Киото, в местах Гэндзи, мы любовались *момидзи*. Самыми красивыми нам показались те, что покрывают склоны Арасиямы с ее храмами и усадьбами, и те, что в парке вокруг Императорского дворца. В нашей памяти остались оттенки, неизменно тяготевшие к красному. Возможно, они и были подлинной вершиной осеннего великолепия. А может быть, причина в том, что именно в период Хэйан, когда жили Гэндзи и Мурасаки, кленовые листья, которые с наступлением холодов и ранних сумерек загораются то алым, то лиловым, были признаны прекраснейшими.

А вот момидзи Нагано подарили нам более сдержанные эмоции. Мы гуляли по лесам Тогакуси, одной из многих священных гор Японии, где собираются последователи сюэндо. Особенность Тогакуси — ее название, дословно «скрытые ворота». Оно связано с одним из самых известных эпизодов в японской мифологии, когда Аматаэрасу, «великая богиня», затворилась в небесном гроте.

Затем, как повествует «Кодзики» (*Kojiki*), «Равнина Высокого Неба погрузилась во тьму, в Тростниковой Равнине — Серединной Стране повсюду темень стала. Из-за этого вечная ночь наступила. Тут голоса множества злых богов, как летние мухи [жужжанием] все наполнили, всюду беды произошли**», пока другим божествам не удалось хитростью убедить Аматаэрасу приоткрыть тяжелую дверь. В этот момент Амэ-но тадзикара-о-но микото сорвал ее и бросил на землю. Так и появилась гора Тогакуси.

* Пер. Т. Л. Соколовой-Делюсиной.

** Пер. Е. М. Пинус.

На картах были отмечены крутые тропы, по которым можно добраться до местных святилищ (основных было пять), но взбираться по скалам в наши планы не входило. Мы довольствовались тем, что смотрели на священные склоны издалека, погружаясь в мистическую красоту осеннего леса. Ветви были усыпаны багряными листьями, но на земле уже лежал алый, будто бархатный ковер. И чем дальше от деревьев он стелился, тем сильнее сливался со мхом и камнями, распадаясь на лоскуты. Великий эстет начала XX века Идзуми Кёка, несомненно, имел в виду нечто подобное, когда говорил, что прекраснее всего «рассыпанные красные листья клена»: жаль даже ступать на них или смахивать прочь платком. Мы любовались этим зрелищем до тех пор, пока не отвлеклись на таблички с рекомендациями остерегаться медведей и не убежать, если все же придется с ними повстречаться. В тот момент мы поняли, что остались совершенно одни в багряном лесу Тогакуси, окутанном осенним туманом и призрачными тенями. Какая-нибудь защита, земная или сверхъестественная, оказалась бы кстати, но пришлось справляться самим. Как и Тайра-но Корэмоти, главному герою «Момидзигари», пьесы театра *но* XVI века, позже адаптированной для *кабуки*. Действие происходит как раз на горе Тогакуси в ту пору, когда красные клены предстают во всем великолепии.

В начале пьесы на сцене появляется знатная дама, за которой следуют придворные.

Знатная дама и ее свита:

Как же печалит сумрак прошедшего дня,
дождливое небо тревожит воспоминания...

Пойдемте же любоваться осенней листвой.

Вдоль дороги кусты с каждым днем все темнее; нижние ветви кленов за ночь росой напитались, в утреннем поле ярче

сияют они, чем вчера. Сквозь багряную листву проходим все дальше в лесную чащу. В старинных стихах говорится: «Ветер словно плотину в реке создает, устлая красными листьями воду».

Перейдем ручей, и порвется полог парчовый. Но прежде остановимся в тени деревьев, насладимся их красотой и отдохнем.

Как бы там ни было, Корэмоти, в отличие от нас, оказывается здесь не для того, чтобы наслаждаться прекрасным зрелищем. Он был воином, выполнявшим тайное поручение императора: избавить леса Тогакуси от могущественного демона. Но Корэмоти забывает о долге, когда встречает на своем пути благородную красавицу, в чьем обличе на самом деле и скрывается демон. Даже самый доблестный и преданный воин не устоял бы перед таким соблазном, как ночь любви с прекрасной девушкой среди пламенеющих кленов. В конце все решил поединок, который не обошелся без вмешательства посланника Хатимана, бога войны и покровителя здешних мест.

Спустя столетия связь между демонами и осенними листьями сохранилась. Поэт Масаока Сики, который был если не создателем жанра *хайку*, то уж точно величайшим его новатором, писал:

Искал я осени
альый цвет, а нашел
дом демона.

Сики помогает нам войти в современную эпоху, в XX век и не только словом. Поэт, кстати, внес немалую лепту в распространение бейсбола в Японии. Но что бы Сики ни делал, всегда он подмечал простоту и мимолетность жизни, превращающих поэзию в шепот:

Огни скрываются
в багряных листьях
осени.

Сикиан, дом Масаока Сики, находится относительно недалеко от центра Токио, в районе с поэтичным названием Угусудани, «Долина соловьев», которое совершенно не сочетается с современными безликими улицами. Уехав из Мацуямы, Сики провел здесь последние восемь лет своей короткой жизни — с 1894 по 1902 год. На самом деле дом поэта был разрушен бомбардировками в 1945 году, но бесчисленные почитатели в точности восстановили его, превратив в музей. Когда мы пришли туда, комнаты утопали в солнечном свете, особенно маленький кабинет с низким столом, за ним Сики проводил большую часть времени. Солнце было жизненной необходимостью при туберкулезе, и стол с отверстием для колена (болезнь поразила и кости), напоминает об этом: он стоит напротив застекленной двери. Стоило Сики поднять от работы глаза, как ему открывался вид на сад. Примечательно, что интерьер здесь почти лишен западного влияния. И если в наши дни скромный деревянный дом выделяется среди типовой застройки, то на рубеже веков едва ли соседние строения сильно отличались от него. Высотные здания не скрывали горизонт, и взору открывалась потрясающая перспектива. Как иначе Сики мог написать одно из своих самых известных хайку?

Откройте сёдзи!
Я хочу взглянуть
на снег в Уэно...

Возможно, сад, где росли его любимые цветы, и вовсе не имел четких границ. Об этих цветах Сики написал хайку, когда уже чувствовал приближение смерти:

Не погибнут
ни пионы, ни тыквы,
ни люффа...

Мы спустились в сад через веранду, чтобы сфотографироваться на память. С нами были друзья, и среди них поэт Такахаси Муцуо. По стилю он весьма далек от Сики, но строки одного из его самых сильных стихотворений были созвучны духу, витавшему в этом доме:

Этот дом — пока что чужой.
Это дом мертвых.
По-настоящему я здесь поселюсь,
когда умру.
И даже тогда,
ради точности,
нужно будет сказать —
это *наш* дом.
Когда я стану одним из вас,
одним из духов,
я больше не буду писать стихи.
Мне незачем будет писать.
<...>
Однажды сюда снова придет некто живой —
жить с нами.
Как знать,
будет ли он поэтом.
Хочу одного лишь:
чтоб, разрушая наше жилище,
он не обратил бы
себя и нас
в бездомных несчастных детей,
и чтобы стихи,
рожденные из неверных слов,
не стали уродливыми детьми.

Ил. 1. Письменный стол поэта Масаока Сики
в его токийском доме, ныне музее

И хотя эти строки столь созвучны жилищу Сики, место, вдохновившее Такахаси, совсем не походило на аскетичный Сикиан. Это был его собственный дом в Дзуси, просторный, с большой коллекцией всевозможного антиквариата.

Там, в Дзуси, тоже был сад, в котором тщательное внимание к деталям все же оставляло пространство и для запустения.

И так же широкие окна позволяли солнцу освещать комнаты, чтобы жильцы наслаждались его лучами как можно дольше. Однако планировка дома была скорее европейской, как и вся обстановка: шторы, дамастовые скатерти, хрустальные люстры, фарфоровые безделушки и ковры. Повсюду были книги — на креслах и столах, на полу и даже на лестнице, что сильно затрудняло подъем на второй этаж. И среди книг — внезапные проблески, барочные завитки, декадентские рисунки. Опьяняющий беспорядок

свидетельствовал о непрестанном поиске красоты, а также об удовольствии удивлять — не других, конечно, а самого себя. Размышления о жизни и смерти, сокрытые в вещах.

Нам посчастливилось получить приглашение от Такахаши, и мы никогда не забудем этот дом — *Locus Amoenus*^{*}, как его называет сам владелец. Ведь Такасахи не только поэт, но также и эссеист, романист, драматург, переводчик греческой и римской классики и ее увлеченный исследователь. Для нас этот опыт стал свидетельством того, как настоящая, осязаемая Япония соприкасается с литературным воображением. Пусть это лишь иллюзия, но хочется думать, что «наш» образ Японии создавался подобно дому Такахаши, где сновидения и явь стали так же неразличимы, как бабочка и Чжуан-цзы.

* Дословно с латыни «приятное место», то есть идиллия.